

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
Фонд им. Фридриха Эберта в Российской Федерации

Восток на Востоке, в России и на Западе

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ И ДИАСПОРЫ

East in the East, in Russia and in the West

CROSS-BORDER MIGRATIONS AND DIASPORAS

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 314.7

ББК 60.7

В78

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. А. Алексеенко*;

доктор экономических наук *Ю. Г. Александров*

В78 Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / Автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин. — СПб.: Нестор-История, 2016. — 304 с.

ISBN 978-5-4469-0883-7

Сборник статей подготовлен по результатам первого этапа исследовательского проекта Института востоковедения РАН «Восток на Востоке, на Западе и в России: миграция — адаптация — идентичность». Участники этого этапа являются одновременно и авторами сборника; это специалисты из Москвы (ИВ РАН, ИСАА, РАНХиГС), Санкт-Петербурга (МАЭ РАН, НИУ ВШЭ, СПбГУ), Барнаула (АлтГУ), Иркутска (ИГУ), Улан-Удэ (ИМБИТ СО РАН), а также ученые из Монголии (МГУНТ) и Италии (Болонский ун-т).

Статьи сборника распределены по трем разделам. Первый из них посвящен трансграничной миграции с Востока на Восток, т. е. из одного культурного мира в пределах афро-азиатского пространства в другой. Конкретно в этой части разбираются миграции из Монголии в Республику Корею (из Внутренней Азии — в Восточную) и из Эфиопии в нефтедобывающие страны Персидского залива. Во второй части собраны статьи о различных аспектах миграции в Россию из Китая, Вьетнама и государств Центральной Азии; читатель найдет в ней и исторические очерки, и тексты, основывающиеся на социологических опросах или же рассказывающие о работе с мигрантами РПЦ и исследователей-волонтеров. Последнюю часть образуют статьи, авторы которых по материалам собственных полевых исследований пишут об учебной и брачной миграции на Запад из стран тропической Африки и пространства бывшего СССР.

В оформлении обложки использована репродукция картины «Отъезд Авраама (Исход)», выполненной в мастерской Якопо Бассано или Якопо даль Понте (1510–1592) и хранящейся в Национальной галерее Великобритании (Лондон).

Источник: <http://gallerix.ru/album/National-Gallery-London-6/pic/glrX-105930464>

ISBN 978-5-4469-0883-7

© Институт востоковедения РАН, 2016
© Фонд им. Фридриха Эберта
в Российской Федерации, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Панарин</i> . Предисловие: трансграничные миграции как предмет исследования	7
--	---

РАЗДЕЛ I

Восток на Востоке:

МОНГОЛО-КОРЕЙСКИЙ CASE С ЭФИОПСКИМ ДОПОЛНЕНИЕМ

<i>Нямаа Галиймаа</i> . Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются	19
<i>Цэнд-Аюш Батцэрэн</i> . Монголия: влияние трансграничной трудовой миграции на воспитание детей	35
<i>Анна Пинигина</i> . Трансграничная миграция в Республику Корею	46
<i>Марина Балдано, Нямаа Галиймаа, Светлана Кириченко</i> . Монголы в Южной Корее: миграция и адаптация	64
<i>Николай Стеблин-Каменский</i> . Волло, Эфиопия: локальное представление о трансграничной миграции и стигматизация вернувшихся	85

РАЗДЕЛ II

Восток в России:

ВОСПРИЯТИЕ — АДАПТАЦИЯ — ИДЕНТИЧНОСТЬ

<i>Ирина Бочкарёва, Сергей Панарин</i> . Трансграничные мигранты в восприятии российских студентов (по материалам экспресс-опросов в трех университетах)	107
<i>Виктор Дятлов</i> . Восток на Востоке России: китайские мигранты в переселенческом обществе (позднеимперская и постсоветская эпохи)	124
<i>Анатолий Соколов</i> . Вьетнамцы в России: история миграций и диаспоры	145
<i>Сергей Абашин</i> . И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию	159
<i>Дмитрий Полетаев</i> . Изменение практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в России	177

<i>Евгений Варшавер, Анна Рочева.</i> Интеграция мигрантов на локальном уровне: западный и российский опыт.	194
<i>Сергей Филатов.</i> Русская православная церковь и трудовая миграция из ареала ислама	214

РАЗДЕЛ III

ВОСТОК НА ЗАПАДЕ:

С РАЗНЫХ «ВОСТОКОВ» С РАЗНЫМИ ЦЕЛЯМИ

<i>Екатерина Деминцева.</i> Учиться, чтобы остаться: африканская элита во Франции.	233
<i>Моника Перотто.</i> Мигранты из постсоветских государств в Италии	250
<i>Раиса Акифьева, Валерия Ерашова.</i> Культурные и интеграционные практики русскоязычных женщин в процессе брачной миграции в Нидерланды	271
Summary.	296
Сведения об авторах	302

Раиса Акифьева, Валерия Ерашова

КУЛЬТУРНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖЕНЩИН В ПРОЦЕССЕ БРАЧНОЙ МИГРАЦИИ В НИДЕРЛАНДЫ¹

Статья основана на результатах исследования русскоязычных женщин, эмигрировавших или планирующих эмиграцию в Нидерланды к голландскому партнеру. Анализ интервью с ними показывает, как в процессе миграции формируются и меняются культурные практики и идентичности. Несмотря на культурный компромисс, в той или иной степени свойственный всем транснациональным союзам, на уровне идентификации и культурных практик мы в некоторых случаях наблюдаем тенденции к этнизации: респондентки начинают интерпретировать в этнических категориях широкий спектр явлений и ситуаций, актуализировать этнические особенности и различия, формировать ориентации на национальную культуру. При этом этничность как женственность может служить символическим капиталом, женщина не хочет его утратить, и он высоко оценивается ее партнером. В статье делается попытка объяснить эти тенденции в интеграционных терминах.

Ключевые слова: *трансграничная брачная миграция, смешанные союзы, интеграция, межкультурный обмен, идентичность, русскоязычные мигранты.*

Трансграничная брачная миграция является интересным исследовательским сюжетом по ряду причин. Во-первых, заключаемые в ходе ее союзы отличаются от других видов союзов различиями между партнерами в этнической, религиозной, национальной идентификации, культурных практиках, средах социализации и т.д. Их исследование позволяет также установить, в каких случаях уникальная семейная среда приводит к гибридизации и двустороннему

---

¹ Вторичный анализ данных, на основе которых написана статья, проводился в рамках проекта «Образовательные практики российских и российско-испанских семей в Испании: роль ценностей и убеждений родителей и/или структурных факторов», реализуемого при финансовой поддержке Центра изучения Германии и Европы (СПбГУ – Билефельдский университет, Германия).

межкультурному обмену между партнерами, а в каких — к ассимиляции [Collet, 2015; Scott, Cartledge, 2009]. Во-вторых, трансграничная брачная миграция имеет ряд специфических особенностей по сравнению с другими типами миграции. Так, брачные мигранты могут быть не включены в мигрантские сообщества и транснациональные сети, но через своего партнера получают доступ к ресурсам (языковой практике, информационной поддержке, особому типу легализации, частичной или полной финансовой поддержке и т. п.) и к сетям поддержки в стране рецепции, образуемым родственниками и друзьями партнера. Брачные мигранты могут обладать особенностями, отличающими их от других типов мигрантов и в интеграционном смысле: ряд исследований показывает большую интегрированность мигрантов из смешанных браков [Furtado, Song, 2015; Scott, Cartledge, 2009]. С другой стороны, всё больше исследователей не находят однозначной взаимосвязи между опытом проживания в смешанном браке и интегрированностью [Alba, Foner, 2015; Rodríguez-García, 2006; Rodríguez-García и др., 2015], в связи с чем задаются вопросом, что понимать под интеграцией и как ее измерять [Rodríguez-García, 2015].

В нашем исследовании мы рассмотрим культурную специфику данных союзов с точки зрения интеграционной перспективы. Особое внимание будет уделено идентичностям женщин, гендерным установкам, повседневным культурным практикам, их включенности в различные дружеские и родственные сети в стране рецепции, а также контекстуальным условиям, в которых протекает жизнь мигрантов. Мы надеемся, что это позволит нам ответить на следующие вопросы: какие культурные ориентации конструируются в процессе брачной миграции и почему; какие культурные сценарии формируются; какие тенденции наблюдаются с точки зрения интеграционных перспектив?

Транснациональная брачная миграция: интеграция и культурный обмен

Для обозначения браков и брачных союзов, где один из супругов/партнеров — внешний мигрант или представитель культурного меньшинства, применяются такие термины, как «смешанные/бинациональные/бикультурные/транснациональные браки» (*mixed/bi-national/bi-cultural/transnational marriage*), «брак между представителями разных групп» (*intermarriage*), «смешанные союзы» (*mixed*

unions) и «смешанная пара» (*mixed couple*)². В статье мы будем часто использовать термин «смешанные союзы» (далее СмС).

Феномен СмС побуждает к поиску ответов на широкий круг вопросов. Исследователи интересуются, чем обусловлен выбор иностранного партнера, какие механизмы лежат в основе смешанных браков, какие различия позволяют рассматривать их в качестве особого случая со своей спецификой [Górny, Kępińska, 2004; Maffioli, Paterno, Gabrielli, 2014; Nedomysl, Östh, Nam, 2010]. Также партнерство в СмС рассматривается скорее как один из типов миграционных сценариев, описываемых и анализируемых в рамках миграционных теоретических подходов, например интеграционных [Brahic, 2013].

Культурная специфика СмС. Исследование смешанных пар с точки зрения их культурной специфики позволяет наблюдать новые формы и особенности повседневного взаимодействия, образа жизни, самоидентификации. Повседневные практики и восприятие пар могут приобретать гибридные черты, культурный компромисс становится частью повседневной жизни [Brahic, 2013], культурные изменения в процессе брака могут приводить к различным типам бикультурализма [Vasquez, 2014].

Вместе с тем было справедливо отмечено, что социологический анализ культурной специфики не будет полным, если не включает в рассмотрение гендерные роли партнеров и их классовые позиции. Классовые позиции, гендерные роли и социальный контекст могут оказывать большее влияние на семейную жизнь, на изменения в повседневных практиках и взаимоотношениях, чем культурные различия. Учет социального контекста предполагает рассмотрение различных механизмов, посредством которых неравенство между партнерами закрепляется или воспроизводится. Так, асимметричным может быть их легальный статус: один из партнеров обладает гражданством, а другому еще предстоит получить разрешение на легальное проживание в стране. Этнические и расовые различия могут иметь следствием неравный доступ к ресурсам, в конечном счете — приводить к дискриминации и стигматизации одного из партнеров, что не может не влиять на взаимоотношения в семье. От статуса языков партнеров может зависеть выбор языка общения в семье и за ее пределами. Важным

---

² Примеры употребления перечисленных выше терминов см. в работах: [Alba, Foner, 2015; Brahic, 2013; Collet, 2012; Rodríguez-García, 2015; Rodríguez-García, 2006].

для понимания эффектов смешанности (*mixedness*) является изучение наблюдаемых различий в идентичностях партнеров, в их самовосприятии. Кроме того, взаимообмен принимает различные формы: один из партнеров может адаптировать основные особенности доминантной культуры или культуры меньшинства либо партнеры могут выработать вообще новый стиль семейной жизни и таким образом влиться в формирующийся глобализированный социальный слой, более мобильный и менее связанный с локальными и национальными контекстами [Collet, 2012; 2015].

Интеграционные исследования. Согласно классической концепции Милтона Гордона, мигранты должны пройти несколько стадий до ассимиляции — оптимального варианта их приспособления. Они начинают адаптацию к новой стране с поведенческой ассимиляции и постепенно утрачивают отличительные этнические черты, культурные особенности своего сообщества, перестают использовать родной язык в повседневном общении. Супружеская ассимиляция — рост числа браков с представителями местного населения — третья стадия этого линейного процесса [Gordon, 1964].

Теория Гордона подверглась критике с появлением новых подходов к миграции. Авторы одних из них указывали на необходимость при поиске и описании оптимальных сценариев адаптации учитывать социальные особенности принимающего общества (например его социальную сегментированность) и самих мигрантов (например принадлежность к определенной социальной страте) [Portes, Rumbaut, 2001; Portes, Zhou, 1993; Zhou, 1997]. Авторы других подчеркивали, что современные мигранты транснациональны, поэтому нельзя ограничивать исследование происходящим в стране рецепции [Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992; Levitt, Jaworsky, 2007]. Для описания жизненных сценариев мигрантов в стране прибытия чаще стали использоваться новые термины. Наибольшую популярность из них получил термин «интеграция»: он не привязан к американскому опыту, идеологически более нейтрален, позволяет полнее учитывать, как миграция влияет не только на мигрантов, но и на принимающее общество [FitzGerald, 2014]. Исследователи, придерживающиеся интеграционной перспективы, стремятся понять, как мигранты в смешанных парах интегрируются в принимающее общество, чем отличаются траектории их интеграции по сравнению с эндогамными союзами, можно ли рассматривать смешанный брак в качестве механизма социальной интеграции.

Исследований, демонстрирующих интеграционный потенциал СмС, немало³, но немало и работ, показывающих, что нельзя говорить об однозначной положительной взаимосвязи брачной миграции с процессами социальной интеграции. В одном из них, проведенном в Каталонии, изучались иммигранты в экзогамных (пары из иммигрантов и уроженцев Испании) и эндогамных союзах (пары, в которых оба партнера — иммигранты). Результаты показали сегментированную взаимосвязь между смешанным браком и интеграцией. Различия в степени интеграции могут зависеть от таких факторов, как страна происхождения мигранта, гендер, длительность проживания в стране реценции, а не от эндогамности и экзогамности союза [Rodríguez-García et al., 2015].

Мы будем анализировать специфику культурного обмена в СмС обследованных нами пар, ориентируясь на описанную выше методологию Беаты Колле [Collet, 2012]. Мы также рассмотрим эти пары в контексте интеграционной перспективы, понимая под интеграцией ориентацию мигрантов на принимающее общество с целью полной включенности в него [Rodríguez-García et al., 2015]. Что считать оптимальным сценарием выстраивания мигрантами жизненных траекторий, вопрос очень сложный, особенно учитывая, что мы провели исследование брачной миграции на самых ранних ее этапах. Поэтому мы используем интеграционную перспективу лишь для того, чтобы поместить изучаемые нами случаи в поле других исследований брачной миграции и таким образом получить возможность анализа сходств и различий в наблюдаемых тенденциях.

Методы и выборка

Эмпирической базой исследования являются интервью с русскоязычными женщинами из России, Украины и Беларуси, проживающими с партнерами-голландцами в Нидерландах или планирующими переезд к ним. Полевая работа была проведена весной 2014 г.

Брачная миграция практически не подлежит такой форме документального контроля, которая находилась бы в открытом доступе, поэтому для формирования выборки нами был выбран метод снежного кома. Женщины, уже перебравшиеся в Нидерланды, рекрутировались

---

³ См., напр.: [Furtado, Song, 2015].

в социальной сети «В контакте», в сообществе русскоязычных жен в этой стране; из них мы выбирали для опроса только тех, кто переехал меньше чем за год до момента интервью. Женщин, которые планировали и готовили переезд, мы находили через сообщество тех, кто сдает интеграционный экзамен, необходимый для миграции в Нидерланды. При выборе респонденток учитывались возраст, семейное положение и миграционный статус. Мы опрашивали только молодых женщин, не имевших детей от голландских партнеров, принявших решение иммигрировать или уже совершивших переезд. Всего было опрошено 16 женщин: восемь находившихся на родине и столько же переехавших к своим партнерам в Нидерландах. Возраст респондентов варьировался от 23 до 31 года (средний возраст — 25 лет)⁴.

Некоторые женщины, готовившиеся к переезду, имели опыт проживания с партнером в Нидерландах, что при описании респонденток мы будем оговаривать отдельно. По семейному положению они делились на четыре категории: «не замужем», «помолвлена», «зарегистрированное партнерство»⁵, «замужем». Женщины, на момент интервью уже совершившие миграцию, находились в Нидерландах от трех до десяти месяцев. Интервью проводились посредством онлайн звонков с использованием программы Skype, велись на русском языке и занимали от сорока минут до полутора часов.

Респондентки имеют высшее образование (степень бакалавра, специалиста или магистра), одна женщина на момент интервью завершала обучение. Общение с партнером во всех случаях начиналось на английском языке. Никто из женщин не владел языком партнера до знакомства с ним, как и никто из голландских партнеров не владел русским языком. В некоторых случаях английский язык женщин в начале знакомства не был достаточно свободным. Знакомство, как правило, завязывалось в Интернете или во время туристической поездки одного из партнеров. В одном случае голландский партнер участвовал в программе студенческого обмена. Большинство партнеров-голландцев были с высшим образованием или получали его на момент интервью, некоторые закончили колледж или специализированные курсы.

⁴ Унифицированное краткое описание наших информантов см. в Приложении.

⁵ Юридически закрепленный союз двух лиц, направленный на совместное проживание. Отличается от брака правами и обязанностями относительно детей. См.: [Marriage... 2016].

Все женщины не планировали до знакомства иммигрировать в Нидерланды. Более того, некоторые из них подчеркивали вынужденность своего переезда, объясняя его тем, что им со знанием английского языка и другими компетенциями легче адаптироваться в Нидерландах, чем их партнерам в России.

Правила миграции в Нидерланды

Правительство Нидерландов придерживается основ «ограничительной миграционной политики» [Денисенко, Хараева, Чудиновских, 2003, с. 183–191]. Согласно информации, предоставляемой Службой иммиграции и натурализации (<https://ind.nl>), перед переездом в Нидерланды иммигранты должны получить базовые знания нидерландского языка, быть знакомыми с историей и устройством страны. Эти знания проверяются посредством специального экзамена, который сдается в стране проживания мигранта. Экзамен — одно из условий получения разрешения на временное пребывание — *Machtiging tot Voorlopig Verblijf (MVV)*. Оно необходимо для получения *Verblifsvergunning* — временного вида на жительство. Выполнение данных процедур обеспечивает пребывание в Нидерландах на срок более трех месяцев.

Экзамен требует значительных временных и материальных затрат. После подачи заявки на сайте службы иммиграции и натурализации надо перечислить 350 евро на специальный банковский счет в Нидерландах. Дата и время экзамена назначаются в посольстве или генеральном консульстве Нидерландов после этой оплаты. При подготовке кандидаты используют учебный пакет «*Naar Nederlands*» стоимостью около 64 евро. Кроме того, в случае брачной миграции требуется доказательство финансовой состоятельности партнера. Эта мера стала ограничительной для большого количества планировавших брачную миграцию в Нидерланды из стран, не являющихся членами Евросоюза. Подсчитано, что «требования к уровню доходов для “создания семьи” в Нидерландах, повышенные в 2004 г. со 100 до 120% от минимальной заработной платы, автоматически лишают около 30% работающего населения права на участие в данном процессе» [Leerkes, Kulu-Glasgow, 2011, p. 95].

Особенности получения гражданства зависят от страны происхождения женщин-мигрантов, но общим требованием является

проживание на территории Нидерландов сроком от трех до пяти лет с действующим видом на жительство. Получение двойного гражданства возможно лишь в ряде исключений, требующих обоснования. В целом, брачная миграция — весьма трудоемкий и затратный процесс.

Перейдем теперь к основным результатам нашего исследования.

Этничности и идентичности

Идентичности мы рассматриваем в контексте дискурсивной психологии, вобравшей в себя целую группу социально-конструктивистских подходов в психологии [Филлипс, Йоргенсен, 2004; Edley, 2001]. С ее точки зрения идентичности конструируются и изменяются в постоянном взаимодействии с социальным миром [Филлипс, Йоргенсен, 2004]. Центральное положение в конструировании идентичностей занимают процессы социальной категоризации и сравнения [Varjonen, Arnold, Jasinskaja-Lahti, 2013, p. 112], соответственно, дискурсивно-психологические исследования фокусируются на том, как определяются и используются в социальном взаимодействии социальные категории, на сравнениях себя со значимыми «другими» и на противопоставлениях себя им.

Для описания себя респондентки использовали категории, отсылающие к этнической/национальной самоидентификации: «девушки из России», «русские», «украинки», «белоруски», а также к надэтнической («славянки») и языковой общности («русскоговорящие»). В последнем случае нарративы отражают представления о воображаемом сообществе русскоязычных жителей постсоветского пространства, имеющих общие традиции либо схожий образ жизни и говорящих на русском языке: *Ну, сейчас, сейчас я общаюсь с русскими* (в Нидерландах. — Р.А., В.Е.). *Вот, ну даже не сколько с русскими, вот, все русские, все, кто даже украинцы, белорусы, Казахстан — они все русские. Все русскоговорящие, поэтому я называю их русскими* (Респ. 7). Как видно из только что приведенного отрывка интервью, категория «русские» тоже оказывается надэтнической и внеэтнической. А вот как другая респондентка описывает подругу, с которой познакомилась в Нидерландах: *Девушка русская. Она в 91-м году, будучи ребенком, с родителями переехала в Голландию, потому что они евреи* (Респ. 3). То есть, несмотря на этническую еврейскую историю семьи подруги, категория «русские» и здесь — надэтническая.

При характеристике сообщества «славянок», «русских», «русскоязычных» включались стереотипные представления об особом «русском характере» и «менталитете», в частности о жизнестойкости, умении бороться с трудностями: *У нас жизнь сложнее намного, нужно... если ты с детства не привык выкручиваться, выживать, то потом сложно будет... Ну, т.е. просто так отдыхать и говорить: «Ой, я устал от одной работы», — в принципе у нас это редкость* (Респ. 2). Здесь прослеживается распространенное представление о том, что особенности характера формируются в процессе социализации в условиях, специфических для страны происхождения. Этническими особенностями объясняются и различия в практиках дружбы между «своими» и голландцами. Многие респондентки согласны в том, что дружат голландцы иначе и завести с ними дружеские связи сложно или невозможно: *Дружба в Голландии — это не настолько распространенное явление, как у нас, славянок. Поэтому с нашим менталитетом, с нашей общительностью и с нашей открытой душой, мне кажется, все-таки нужно общение с себе подобными* (Респ. 2).

Представления о некоторых общих этнических чертах и особенностях поведения разделяли многие женщины, но нарративы тех, кто уже переехал в Нидерланды и получил опыт относительно длительного пребывания в этой стране, более этнизированы по сравнению с нарративами женщин с опытом кратковременного проживания у партнера. Это проявляется в тенденции интерпретировать в этнических категориях более широкий спектр явлений, поступков, паттернов поведения и особенностей людей, в более негативном описании голландцев, в противопоставлении положительного этнического «мы» негативному «они»: *Русские люди намного глубже, чем голландцы, и больше переживают, больше сочувствуют друг другу* (Респ. 10). Голландцы могут быть описаны как люди эгоистичные, живущие только для себя (Респ. 11), не привыкшие помогать другим (Респ. 12), а их дружелюбие может восприниматься как напускное, немножко фальшивое (Респ. 9). Важно отметить, что такая негативная характеристика голландцам часто дается для того, чтобы объяснить некоторые сложности, с которыми женщины сталкиваются после переезда в Нидерланды. Другими словами, личные интеграционные проблемы ставятся в казуальную связь с обобщающими этническими категориями: работу найти трудно — голландцы не помогают; трудно найти

друзей — у голландцев иные представления о дружбе. И потому *переезд в эту страну тоже мне нелегко дался, и я бы не сказала, что мне здесь много посочувствовали* (Респ. 10).

Среди нарративов женщин, еще не переехавших в Нидерланды, также встречаются этнизированные интерпретации своего и чужого опыта и интеграционных перспектив, но они преимущественно касаются вопросов дружбы и гендерных репрезентаций, всплывают при осмыслении истории знакомства и взаимодействия с партнером. Наряду с этим актуальной оказывается идентификация себя как жителя большого/малого города и профессиональная. Так, сложности, с которыми сталкивается информантка с большим опытом переездов, объясняются ею не особенностями страны и ее населения, а размерами населенного пункта: *Всегда тяготела к каким-то путешествиям, переездам, мне как-то не сиделось, поэтому было такое, что я год жила в Москве, год в Петербурге, а потом всё равно переезжала в Ярославль и оставалась здесь, потому что я не люблю большой город, я люблю маленькие города <...> поэтому я люблю Амстердам* (Респ. 8). И в другом случае Нидерланды рассматриваются в первую очередь как страна больших и малых городов со своими стилями жизни и идентичностями. Переехать в зарубежный город, соразмерный предпочитаемому на родине, кажется проще, чем внутри своей страны, но в населенный пункт неприемлемой размерности и стиля жизни: *И хорошо, что я еду не в маленький город. Во-первых, я бы, наверное, не выжила бы после Москвы в этой деревне, где не происходит ничего* (Респ. 6). В обеих цитатах речь идет о переезде в Амстердам, который описывается как город, обладающий положительными особенностями, потому подходящий для переезда. Но в первой цитате эти особенности обусловлены представлением о небольших размерах Амстердама, во второй — представлением о нем как о городе крупном и столичном.

Другая важная идентификационная категория, к которой отсылают женщины, недолго находившиеся в Нидерландах, — это профессия. Интересно в этом смысле интервью актрисы московского музыкального театра. Причину не очень доброжелательного первоначального отношения к ней родителей партнера она видит в том, что является актрисой: *Актриса, это значит сразу мысли такие, что вот, что это за профессия, вот, это вот: вульгарная, не вульгарная — не знаю, какие у них там мысли крутились* (Респ. 3).

Предвзвудки и дискриминация

Брачная миграция — один из видов миграции, наиболее подверженных критике со стороны принимающего общества, особенно в тех случаях, когда речь идет о переезде в страны экономически более развитые, чем страны происхождения мигрантов, и когда партнеры знакомятся через посредников — с помощью брачных агентств, сайтов знакомств, объявлений в газетах [Heuse, 2010; Lemish, 2000]. Наши респондентки явно воспринимают себя в качестве стигматизированной группы, основание — транслируемый СМИ образ меркантильной русскоязычной женщины: *...У нас тут сейчас даже идет передача, называется «Из России с любовью», и там рассказывают про русских девочек и голландских мальчиков. И о том, что русские девочки все приезжают сюда за паспортами, за деньгами и за развлечениями, вот, а бедные голландские мальчики должны всё это содержать* (Респ. 10). Также описывается личный опыт столкновения с дискриминацией и предвзвудками, в том числе со стороны родственников партнера: *...Папа его ему сначала всё говорил, что, типа: «Смотри, эти восточно-европейские девочки только и смотрят, чтобы женишка из Западной Европы подыскать»* (Респ. 4). Ссылаются и на опыт других русскоязычных женщин: *Общаясь здесь с русскими девушками, ну, с русскими, с украинскими девушками, много от кого я слышала, что м-м-м... ну так, достаточно пренебрежительно относятся* (Респ. 7).

Повторяющийся опыт дискриминации может лежать в основе конструирования этничности, что, к примеру, проявляется в отказе от американской идентификации, наблюдаемой у некоторых мигрантов второго поколения в Америке [Portes, Rivas, 2011]. В исследованиях, проведенных в разных европейских странах, было показано, что русскоязычные мигрантки знакомы с разделяемым негативным стереотипом о русскоязычных женщинах, переехавших в развитые страны Европы с прагматическими целями, и пытаются дистанцироваться от этого образа. Женщины подчеркивают важность романтических причин переезда и противопоставляют себя тем, чье поведение и поступки способствуют сохранению стигматизированного образа русскоязычной женщины [Heuse, 2010; Säävälä, 2010]. Наши респондентки тоже акцентировали романтическую причину переезда и в ряде случаев противопоставляли себя женщинам, целенаправленно ищущим партнера-иностранца: *Я никогда не хотела, вообще*

никогда не хотела жить в Европе! Мне всегда нравилось, ну, мне всегда нравился Питер. Я как бы не стремилась, знаешь, там, найти какого-то друга иностранца, как многие женщины тут, которых я знаю (Респ. 16). Даже девушки, нашедшие партнера на англоязычных сайтах знакомств, утверждали, что не было у них цели познакомиться именно с иностранцем, тем более переехать к нему: Там, конечно же, есть куча вариантов знакомств, но у меня не было такой цели, т. е. я не преследовала цель знакомства. Вот, и соответственно, так мы и познакомились. То есть мы начали переписываться именно с целью изучения английского (Респ. 11). Заметим, что изучение английского языка — распространенное объяснение причин знакомства в Интернете.

В своем исследовании русскоязычных женщин в Бельгии Петра Хейсе выделяет два основных способа описания мотивов для выбора иностранного партнера, используемых, чтобы легитимировать этот выбор и подчеркнуть честные намерения обоих. Одни женщины объясняют выбор этническими в своей основе причинами, к примеру, тем, что русскоязычные женщины более ориентированы на семью, чем бельгийские. Другие — указывают на мотивы романтической любви. В нашем исследовании нет такого разделения. Хотя некоторые партнеры, по словам респонденток, намеренно осуществляли поиск русскоязычной жены, сами женщины настаивают, что не искали специально партнера-иностранца. Однако, если знакомство и не воспринимается как этнически мотивированное, этностереотипы восприятия женщины могут, как будет показано далее, артикулироваться как значимые и важные в семейной жизни.

Гендер и этничность

Транснациональная брачная миграция предполагает не только смену гендерных дискурсивных контекстов, но и выстраивание семейных отношений с партнером, который может иметь отличные культурные модели поведения и семейные ценности, особенно если страны различаются по доминирующим гендерным контрактам [Касымова, 2010].

Гендерные контракты регулируют распределение обязанностей по ведению домашнего хозяйства, правила поведения и взаимоотношения в семье, имеют специфические страновые особенности и трансформируются в разные исторические периоды в пределах одного го-

сударства [Тёмкина, 2008; Тёмкина, Роткирх, 2002]. Россия имеет ряд существенных отличий от европейских стран как на уровне гендерной идеологии и политики, так и на уровне повседневных гендерных практик [Rodin, Åberg, 2014]. Начиная с 1960-х гг. в Западной Европе и Америке развивается новый тип отцовства (*new fathering*); он характеризуется тенденцией к равенству мужчин и женщин в семье и выполняемых ими функций. В частности, в Нидерландах модель активного отцовства развивается и в частной, и в общественной сфере. Однако при сравнении идеологии и реализуемой политики гендерного равенства Нидерланды оказываются противоречивым случаем: с одной стороны, относятся к странам с укорененной «сильной» моделью семьи с мужчиной-кормильцем (*male-breadwinner model*), преобладанием неполной занятости у женщин, четким разграничением зон ответственности между семьей и государством и осуществлением институтами публичной сферы функции «патриархального контроля» [Буссмейкер, 2000]; с другой стороны, характерная для Нидерландов институционализированная политика позитивных действий для женщин и ряд других показателей позволяет определить это государство как «дружественное женщинам» (*woman-friendly state*) [Гардинер, Лейенаар, 2000]. В России же с советского времени укоренена «слабая» модель семьи, т.е. преобладают домохозяйства с двумя кормильцами, но участие мужчин в обслуживании домохозяйства и в уходе за детьми остается низким [Кравченко, Мотеюнайте, 2008]. В постсоветский период происходит трансформация гендерных контрактов, на них начинает влиять идеология нелиберального гендерного традиционализма [Здравомыслова, Темкина, 2003]. В основе его лежат противоречащие друг другу убеждения о равноправии женщин и мужчин — и о врожденных различиях между полами, определяющих их особенности, предназначения и карьерные возможности. В отличие от «классического» традиционализма, здесь предназначение женщины предполагает наряду с исполнением ею роли домохозяйки широкий спектр других возможностей, в том числе совмещение ведения домашнего хозяйства с зарабатыванием денег для семейного бюджета.

Анализ гендерных репрезентаций позволяет условно разделить респонденток на две группы, границы которых не совпадают с делением по критерию переезда состоявшегося либо планируемого, т.е. не зависят от опыта пребывания в Нидерландах и его продолжительности. Водораздел между группами в данном случае в другом — в степени

этнизации нарративов. У женщин одной группы этнизация сильнее, они проводят более четкие этнические границы между собой и голландками и фактически воспроизводят противоречивость идей неолиберального гендерного традиционализма. Они разделяют и ценности самореализации, и представление о преимущественной ответственности женщины за ведение домашнего хозяйства, позиционируют соответствующую модель семьи как имеющую национальную специфику и противопоставляют себя голландским женщинам: *У них девушки, как по мне и то, как Руд⁶ говорил, им семья особо не нужна, они сами себе командиры, т.е. что хотят, то и делают. Готовить не умеют, особо не убирают, ничего не делают по квартире, ну, по дому, по хозяйству... я считаю, что девушка должна успевать делать и это, и там еще — я не знаю, или работать или какие-то хобби иметь* (Респ. 2). Другая респондентка, тоже полагающая, что неотъемлемой обязанностью женщины является работа по дому и профессиональная или досуговая занятость, рассматривает работу именно как деятельность, сопоставимую с хобби как минимум по мотивам занятости: *Естественно, я буду работать, потому что иначе тут можно сойти с ума от сидения дома* (Респ. 10).

Доминировавший в СССР тип контракта «работающая мать» подразумевал ответственность женщины за домашнее хозяйство и экономическое благополучие семьи. Современная его версия не столь монолитна, может иметь отклоняющиеся черты, например классово-специфические. Так, семьи молодого образованного среднего класса в России избирают стратегию, предполагающую наличие у партнеров эгалитарных ценностей наряду с воспроизводством традиционного разделения гендерных ролей в приватной сфере [Чернова, 2013]. В наших примерах представления женщин скорее отражают нормы и практики одного из типов постсоветской реконфигурации контракта: акцент делается не на работе или заработке женщины, а на ее обязательном саморазвитии.

Респондентки этой группы уверены, что обладают личностными и ценностными особенностями, по критерию привлекательности для мужчин выгодно отличающимися их от западных женщин⁷. По их

---

⁶ Имя изменено.

⁷ Такая самооценка была зафиксирована и в других исследованиях. См., напр. [Темкина, 2008; Heuse, 2010].

мнению, наиболее значимыми характеристиками, востребованными на брачном рынке и присущими как раз русскоязычным женщинам, является, в противовес эгалитарным ценностям и установкам голландских женщин, большая ориентация на семью и на отношения в ней, чем на свою карьеру и свои желания, а также восприятие мужчины как «семейного лидера» (Респ. 11). В обоснование такой позиции делаются ссылки на мнения и практики мужчин — друзей мужа: *И как бы все его друзья очень хотят к нам в дом... Я как бы думаю, что все девушки-голландки — они больше заняты работой, даже приходят мальчишки и жалуются, какие у них девочки, что они заняты работой, что вообще нам некогда сходить в кино, вот, что всегда в работе, всегда в чем-то* (Респ. 8).

Еще один довод: по сравнению с голландками русскоязычные женщины «более женщины» не только по взглядам, но и по внешнему виду. В первую очередь это проявляется в том, как они одеваются. Женственность в одежде для них означает предпочтение юбок и платьев, обувь на каблуках. Стиль одежды может быть использован в качестве ресурса для конструирования этнической идентичности, для поддержания границ между «своей» и «другой» группой [Ger, Østergaard, 1998]. Исследование, проведенное в Эстонии, позволило выделить два интерпретативных репертуара, посредством которых репрезентируется эстонский и российский молодой потребитель в нарративах русскоговорящих и эстоноговорящих. Это репертуар этнической принадлежности (*the ethnic belonging repertoire*) и потребительский (*the consumerist repertoire*) [Vihalemm, Keller, 2011]. В рамках дискурсивной психологии интерпретативные репертуары концептуализируются как относительно отчетливые способы говорения об объектах и событиях в мире — обеспечивают основу разделяемого группой социального понимания, позволяют понять ограничения в конструировании себя и других [Филлипс, Йоргенсен, 2004; Edley, 2001; Varjonen, Arnold, Jasinskaja-Lahti, 2013]. Репертуар этнической принадлежности организуется вокруг представления об этничности как о факторе, оказывающем решающее влияние на стиль жизни и внешний вид [Vihalemm, Keller, 2011]. Одно из специфических проявлений этого — отсылки для объяснения видимых различий в стилях одежды к «менталитету» — к укорененным культурным различиям между эстонцами и русскими. В нашем исследовании респондентки более этнизированной группы также были убеждены в этнической обусловленности различий

в потреблении одежды, а в некоторых случаях указывали на изменения в собственном стиле в сторону большей этнизации, объясняя их опытом визитов и проживания в Нидерландах: *Я говорю: «Я же русская, у нас в России все девочки красивые, все ухоженные, все ходят в платьях...» Я как бы не могу себе позволить делать, как европейская девушка* (Респ. 8). И эти различия женщины могут воспринимать как очень важные для брака — соответствующие ожиданиям мужа от русскоязычной жены: *Я не собираюсь там ассимилироваться или еще что-то, потому что и Руд меня выбрал как украинку* (Респ. 2).

Другая группа женщин не использовала интерсекции гендера и этничности при описании семейных отношений и для самоидентификации⁸. Значимыми для этой группы в вопросах семьи и самопрезентации являются иные объяснительные схемы — молодость, профессия, необходимость жить в новой стране и другие контекстуальные причины. Но это не означает, что респондентки данной группы могут обходиться без этнических репертуаров, когда говорят на разные темы, например об адаптации, и что им несвойственны стереотипные негативные представления о голландцах.

Образование и профессия

Как правило, наши респондентки полагают профессиональную занятость важным индикатором успешности человека и его уровня образованности. Тема профессиональной удовлетворенности перекликается с артикуляцией ценности образования. Образованность русскоязычных женщин входит в число ключевых элементов в их стратегиях самоидентификации. Так, одна респондентка на вопрос об образовании ответила: *Разумеется, высшее* (Респ. 4). Образованность — один из водоразделов между «своими» и «чужими». Та же женщина так отозвалась о друзьях мужа: *Те люди, с которыми он дружил, ну, не то чтобы дружил, а общался, просто общался, мне они казались странными, потому что они ему не ровня, понимаешь? То есть там люди без особых стремлений, без какого там либо образования.*

---

⁸ Интерсекциональный подход позволяет определить социальные категории, которые формируют чувство идентичности, и контексты, в рамках которых они артикулируются, предполагает изучение не только содержания интерсекций (класс, возраст, этничность, гендер), но и того, какие интерсекции становятся видимыми и в каких контекстах (см., напр., [Heuse, 2010]).

Тема образованности русскоязычных женщин всплывает часто. Женщины отмечают, что и при знакомстве, и при продолжении отношений для них был важен уровень образования партнера. В некоторых случаях образованность отождествляется с этнической/национальной спецификой, образование предстает национальной ценностью, имеющей прямое отношение к высокой «русской культуре» (литература, живопись, другие сферы искусства). Респондентки считают, что социализировались в уникальной среде, наделившей их эрудицией и иными достоинствами, выгодно отличающими русскоязычных женщин от других: *...У нас очень богатая культура, и не зря иностранцы выбирают русских девушек, потому что мы очень разные все* (Респ. 14).

Многие женщины описывают историю своей миграции как самопожертвование, ибо воссоединение с любимым человеком оборачивается нисходящей профессиональной мобильностью. Они сетуют, что оставили квалифицированную работу, поскольку без знания языка и без валидации диплома им было бы непросто или вовсе невозможно претендовать в Нидерландах на аналогичную работу или другую, но соответствующие их уровню образования: *...Для меня это немножечко, скажем так, шаг назад по карьерной лестнице* (Респ. 14)⁹. Вместе с тем респондентки, в Нидерландах ставшие заниматься низкоквалифицированным трудом, во-первых, упоминают об этом как о незначительном факте биографии, как о «работе на первое время» (Респ. 9), во-вторых, пытаются повысить свою квалификацию, чтобы вернуть утерянный профессиональный статус. Они начинают учиться в различных образовательных учреждениях: от краткосрочных языковых курсов до университетов. Впрочем, к получению в Нидерландах дополнительного образования могут подталкивать не только профессиональные притязания, но и стремление к самосовершенствованию.

Культурные ориентации

Все респондентки учили и/или планировали выучить в совершенстве нидерландский язык, а также использовать его при повседневном общении: *Да, буду не стесняться говорить. Я понимаю, что*

---

⁹ Эти примеры можно рассматривать и в контексте стремления дистанцироваться от образа меркантильной русскоязычной невесты.

мне нужно будет выучить голландский идеально, если я там планирую оставаться жить — и жить всю свою жизнь (Респ. 2). Конечно, главная причина изучения языка — требование сдачи языкового экзамена как условия переезда в Нидерланды. При этом многие респондентки, независимо от степени владения голландским языком, для общения с партнером продолжали использовать английский.

Женщины на предмиграционном этапе говорили о своей готовности к культурной интеграции в стране рецепции: *...Конечно, я буду максимально стараться понять традиции этой страны, т. е. не буду я пытаться всех переучить на русский лад, типа: а у нас вот так вот* (Респ. 6). Но при этом никто не предполагал максимальной аккультурации себя и своих будущих детей: *Семья у нас интернациональная, и такой она и останется, и дети будут разговаривать как минимум на голландском и на русском* (Респ. 10).

После переезда многие респондентки стали отмечать голландские праздники и в то же время продолжали отмечать некоторые российские праздники. Иногда это встречало сопротивление, приводило к конфликтам, что хорошо прослеживается в рассказах о праздновании Восьмого марта. Праздник этот для некоторых респонденток имеет большое значение, так как традиция индивидуального поздравления женщины хорошо соотносится с репрезентациями женственности и привлекательности для мужчин: *Мой муж там, увидев мои слезы, удивился вообще: что это за поздравления вообще? Ну, в общем, он сказал, что он этого праздника не знает. А я говорю, что теперь тебе придется его знать, так как ты взял русскую жену* (Респ. 12).

Можно говорить о культурном обмене в семьях, причем приобщение партнера к «русским» культурным практикам происходило путем переговоров и по инициативе женщины: *Я их научила есть супы, всю семью* (Респ. 16). Помимо праздников и кухни, это касается и других сфер повседневного взаимодействия и потребления. На этом фоне некоторые респондентки осознавали большую этнизацию своих повседневных практик по сравнению с тем, что они делали «дома». Например, они начинают слушать русскоязычные радиопередачи, смотреть русскоязычные каналы: *На самом деле раньше я вообще не смотрела те передачи, которые смотрю сейчас. Например, сейчас еще по поводу не только телевидения, то радио... сейчас я на самом деле получаю огромный кайф от этого. Раньше я бы никогда не слушала, а сейчас мне это родное и очень повышает настроение* (Респ. 14). Та же тенденция

прослеживается в круге чтения: *Стала очень много читать русскую классику здесь* (Респ. 15). Усиливается внимание к политическим процессам, в которые вовлечены страны происхождения. В частности, некоторые женщины, проживающие в Нидерландах, стали интересоваться отношениями России и Украины после присоединения Крыма к России и событиями на востоке Украины. В этих вопросах они были хорошо информированы и имели четкие позиции, в отличие от респонденток, находившихся на предмиграционной стадии, большинство которых имело лишь поверхностное представление о российско-украинском конфликте.

Социальная укорененность

Брачная миграция позволяет иностранному партнеру через супруга или супругу войти в социальные сети местных жителей. В нашем случае это действительно происходило на первых этапах миграции: женщины довольно быстро знакомились с родителями своих партнеров, родственники всех партнеров оказывали им теплый прием и помощь, вплоть до того, что одна пара стала проживать в доме родителей партнера вместе с ними. Если вначале родственники и проявляли этнические предрассудки, они затем пересматривали свои позиции, и во время интервью респондентки отзывались о них сугубо положительно.

Интересно, что во всех случаях поведение и качества родственников не описываются в этнических категориях, они не рассматриваются как типичные голландцы, и положительный опыт общения и взаимодействия с ними не экстраполируется за пределы семьи: *А родители, знаешь, ну прямо золотые. Как бы... я сейчас по работе много голландцев встретила, ну, и они такие люди — очень сложные. А эти — прямо, знаешь, как дочку приняли, до сих пор помогают* (Респ. 16). Многие регулярно общаются не только с родителями, но и с родственниками мужа, в том числе не кровными, однако это общение воспринимается исключительно в привычных категориях родства, а не как свидетельство того, что выстраивание дружеских сетей с голландцами возможно: *Вот, вообще-то друзей, понятное дело, у меня тут нет. Я общаюсь с его семьей <...> Жена его брата мне помогает* (Респ. 12). И эта же респондентка убеждена, что в Нидерландах *как-то не принято, видимо, особо помогать*.

Многие женщины с опытом проживания в Нидерландах на момент интервью больше всего общались с русскоязычными мигрантами и со смешанными парами. Иногда они специально искали русскоязычных друзей в Интернете, но часто находили случайно, на работе или при подготовке к экзамену на знание голландского языка. Такому выбору, помимо внутренней этнизирующей мотивации, способствуют, разумеется, и описанные выше стереотипы восприятия голландской дружбы: *А вот именно которые местные, они вообще не идут на контакт, они всё больше своей группой держатся...* (Респ. 8)

Заключение

Наше исследование имеет ряд ограничений: мы изучали только тех, кто состоял в Интернет-сообществе русскоязычных жен в Нидерландах, т. е. изначально выбрали группу, ориентированную на русскоязычный круг общения. Почти наверняка за рамками рассмотрения остались другие русскоязычные мигрантки с иными культурными практиками и интеграционными стратегиями. Кроме того, в поле нашего исследовательского внимания находились женщины, пребывающие на первых этапах миграции. Между тем бинациональный компонент смешанного брака меняется на протяжении всей длительности этого брака [Brahic, 2013], поэтому идеальным было бы лонгитюдное исследование, позволяющее глубже понять специфику СмС на разных этапах семейной биографии. Тем не менее, и наши ограниченные одним этапом наблюдения могут способствовать лучшему пониманию феномена брачной миграции.

Исследование русскоязычных женщин, переехавших или планирующих переезд в Нидерланды к голландскому партнеру, позволило, как представляется, взглянуть на транснациональную миграцию, используя сразу две теоретические перспективы. Мы стремились проследить, как в процессе миграции формируются и трансформируются культурные практики и идентичности; и мы попытались выявить специфику этих практик и идентичностей в контексте интеграционных тенденций.

С точки зрения интеграционных подходов для понимания жизненных траекторий мигрантов в первую очередь следовало установить, в какие социальные слои они инкорпорируются, каким является их социальное окружение [Portes, Rumbaut, 2001; Portes, Zhou, 1993]. По этому показателю исследованные нами женщины-мигрантки

имеют хорошие стартовые позиции — они и их мужья образованы, имеют опыт работы или работают, к тому же процесс эмиграции, согласно законодательству Нидерландов, предполагает финансовую состоятельность партнера-голландца.

Мы не зафиксировали утраты культурных особенностей, проявлений аккультурационных стратегий и сценариев. То, что мы обнаружили, можно охарактеризовать как формирование гибридных культурных паттернов. Вместе с тем, хотя культурный компромисс в той или иной степени свойственен всем семьям наших респонденток, на уровне идентификации и культурных практик прослеживается тенденция к этнизации. Она проявилась в интерпретационном использовании этнических категорий, в актуализации этнических особенностей и различий, в появлении/усилении ориентации на национальную культуру. Отчасти этому способствовали довольно распространенные в Нидерландах негативные представления о русскоязычных женщинах, эмигрировавших с целью замужества.

Особый случай — респондентки, считающие, что именно этнокультурные отличия русскоязычных женщин, в первую очередь приписываемая им выраженная женственность повышают спрос на них на брачном рынке. Убежденностью в ценности «своей» этничности, скорее всего, объясняется поддержание этнизированных культурных практик, таких как потребление одежды, неравное разделение домашних обязанностей, чтение русской литературы. Можно предположить, что та же причина во многом определяет и выбор оптимального круга общения. Как участницы брачной миграции респондентки легко могут быть включены — и на деле включаются — в семейные, дружеские и прочие социальные сети голландских партнеров. Однако они не воспринимают эти сети как часть своего дружеского круга и формируют сети из русскоязычных мигрантов.

Приложение

Описание информантов

До переезда:

Респ. 1: 23 г., не замуж., место рожд. Саратов, живет в Москве, образ. высш.

Респ. 2: 23 г., не замуж., место рожд. Киев, живет там же с молодым человеком, образ. высш.

Респ. 3: 24 г., место рожд. Смоленск, не замуж., живет в Москве, образ. высш.

Респ. 4: 23 г., помолвлена, место рожд. г. Красногорск Московской обл., живет там же, получает высш. образ.

Респ. 5: 27 л., не замуж., место рожд. Уфа, живет в Москве, образ. высш.

Респ. 6: 24 г., не замуж., место рожд. Москва, живет там же, образ. высш.

Респ. 7: 24 г., разведена, ребенок от предыдущего брака, место рожд. Казань, живет там же, начала получать второе высш. образ.

Респ. 8: 25 л., не замуж., место рожд. Ярославль, живет там же, образ. средн. спец. и высш.

После переезда:

Респ. 9: 25 л., помолвлена, место рожд. Рязань, переехала из г. Новополюцка, Белоруссия 10 месяцев назад, образ. высш.

Респ. 10: 25 л., не замуж., место рожд. Самарская обл., переехала из Самары 4,5 месяца назад, образ. высш.

Респ. 11: 24 г., не замуж., место рожд. Ижевск, переехала из Санкт-Петербурга, образ. высш., получает дополнительное высш. образ. в Нидерландах.

Респ. 12: 28 л., заключила партнерство, место рожд. Чебоксары, переехала из Санкт-Петербурга 4 месяца назад, образ. средн. спец. и высш.

Респ. 13: 31 г., замуж., место рожд. Санкт-Петербург, переехала отсюда же 6 месяцев назад, два высш. образ.

Респ. 14: 23 г., не замуж., место рожд. Санкт-Петербург, переехала отсюда же 9 месяцев назад, образ. высш.

Респ. 15: 30 л., замуж., место рожд. Санкт-Петербург, переехала отсюда же 9 месяцев назад, два высш. образ.

Респ. 16: 25 л., не замуж., место рожд. Санкт-Петербург, переехала отсюда же 6 месяцев назад, образ. высш.

Список литературы

Буссмейкер Д. Гражданство, типология государств всеобщего благосостояния и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов // Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / Под ред. Ф. Гардинер. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 253–275.

- Гардинер Ф., Лейенаар М. «Решительные и смелые»: анализ политики «государства, дружественного женщинам», в Ирландии и Нидерландах // Там же. С. 95–133.
- Денисенко М., Хараева О., Чудиновских О. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М.: Институт экономики переходного периода, 2003.
- Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Трансформация гендерного гражданства в современной России // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 140–150.
- Касьмова С. Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами) // Laboratorium. 2010. № 3. С. 126–149.
- Кравченко Ж.В., Мотеноайте А. Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 177–200.
- Тёмкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008.
- Тёмкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–14.
- Филлипс Л.Д., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2004.
- Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
- Alba R., Foner N. Mixed Unions and Immigrant-Group Integration in North America and Western Europe // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 38–56.
- Brahic B. The Politics of Bi-nationality in Couple Relationships: A Case Study of European Bi-national Couples in Manchester // Journal of Comparative Family Studies. 2013. Vol. 44. No. 6. P. 699–714.
- Collet B. Mixed couples in France. Statistical facts, definitions, and social reality // Papers. Revista de Sociologia. 2012. Vol. 97. No. 1. P. 61–77.
- Collet B. From Intermarriage to Conjugal Mixedness: Theoretical Considerations Illustrated by Empirical Data in France // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 129–147.
- Edley N. Analysing masculinity: Interpretative repertoires, ideological dilemmas and subject positions // Discourse as Data: A Guide for Analysis / Ed. by M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates. London: Sage, 2001. P. 129–228.
- FitzGerald D. S. The Sociology of International Migration // Migration Theory: Talking across Disciplines / Ed. by C.B. Brettell and J.F. Hollifield. New York: Routledge, 2014. P. 115–147.

- Furtado D., Song T.* Intermarriage and Socioeconomic Integration: Trends in Earnings Premiums among U. S. Immigrants Who Marry Natives // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 207–222.
- Ger G., Østergaard P.* Constructing Immigrant Identities in Consumption: Appearance Among the Turko-Danes // *Advances in Consumer Research*. 1998. Vol. 25. P. 48–52.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C.* Transnationalism: A new analytic framework for understanding migration // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992. Vol. 645. No. 1. P. 1–24.
- Gordon M.M.* Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion, and National Origin. New York: Oxford Univ. Press, 1964.
- Górny A., Kępińska E.* Mixed marriages in migration from the Ukraine to Poland // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2004. Vol. 30. No. 2. P. 353–372.
- Heyse P.* Deconstructing Fixed Identities: An Intersectional Analysis of Russian-speaking Female Marriage Migrants' Self-representations // *Journal of Intercultural Studies*. 2010. Vol. 31. No. 1. P. 65–80.
- Leerkes A., Kulu-Glasgow I.* Playing Hard(er) to Get: The State, International Couples, and the Income Requirement // *European Journal of Migration and Law*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 95–121.
- Lemish D.* The Whore and the Other: Israeli Images of Female Immigrants from the Former USSR // *Gender and Society*. 2000. Vol. 14. No. 2. P. 333–349.
- Levitt P., Jaworsky B.N.* Transnational migration studies: Past developments and future trends // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33. P. 129–156.
- Maffioli D., Paterno A., Gabrielli G.* International Married and Unmarried Unions in Italy: Criteria of Mate Selection // *International Migration*. 2014. Vol. 52. No. 3. P. 160–176.
- Marriage, registered partnership and cohabitation agreements // *Family Law*. Available at: Government of the Netherlands. URL: <http://www.government.nl/issues/family-law/marriage-registered-partnership-and-cohabitation-agreements> (last visited on 15.03.2016).
- Niedomysl T., Östh J., Ham M. van.* The Globalization of Marriage Fields: The Swedish Case // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. No. 7. P. 1119–1138.
- Portes A., Rivas A.* The adaptation of migrant children // *The Future of Children*. 2011. Vol. 21. No. 1. P. 219–246.
- Portes A., Rumbaut R.G.* Legacies: the story of the immigrant second generation. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001.
- Portes A., Zhou M.* The new second generation: Segmented assimilation and its variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530. No. 1. P. 74–96.

- Rodin J., Åberg P. Fatherhood across space and time: Russia in perspective // *Baltic Worlds*. 2014. Vol. 6. No. 3–4. P. 21–28.
- Rodríguez-García D. Mixed Marriages and Transnational Families in the Intercultural Context: A Case Study of African-Spanish Couples in Catalonia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2006. Vol. 32. No. 3. P. 403–433.
- Rodríguez-García D. et al. Contesting the Nexus between Intermarriage and Integration: Findings from a Multi-dimensional Study in Spain // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 223–245.
- Rodríguez-García D. Intermarriage and Integration Revisited: International Experiences and Cross-Disciplinary Approaches // *Ibid.* P. 8–36.
- Säävälä M. Forced Migrants, Active Mothers or Desired Wives: Migratory Motivation and Self-Representation in Kosovo Albanian and Russian Women's Biographies // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. No. 7. P. 1139–1155.
- Scott S., Cartledge K.H. Migrant Assimilation in Europe: A Transnational Family Affair // *International Migration Review*. 2009. Vol. 43, No. 1. P. 60–89.
- Varjonen S., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I. 'We're Finns here, and Russians there': A longitudinal study on ethnic identity construction in the context of ethnic migration // *Discourse & Society*. 2013. Vol. 24, No. 1. P. 110–134.
- Vasquez J.M. The Whitening Hypothesis Challenged: Biculturalism in Latino and Non-Hispanic White Intermarriage // *Sociological Forum*. 2014. Vol. 29. No. 2. P. 386–407.
- Vihalemm T., Keller M. Looking Russian or Estonian: young consumers constructing the ethnic "self" and "other" // *Consumption Markets & Culture*. 2011. Vol. 14. No. 3. P. 293–309.
- Zhou M. Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31, No. 4. P. 975–1008.
- Zeidenstein G. Population, Women, and Security: A Reflection // *Common Security in Asia: New Concepts of Human Security* / Ed. by Tatsuro Matsumae and Lincoln C. Chen. Tokyo: Tokai University Press, 1995. P. 147–156.